

AARON DEMBSKI-BOWDEN

THRONE OF LIES

A NIGHT LORDS AUDIO

WARHAMMER
40,000
FIFTH EDITION

Каким-то способом Легион Повелителей ночи узнаёт, о том что одна из ассасинов обладает информацией о месте расположения гололитической записи, спрятанной в одном из храмов, и весьма ценной для всех Повелителей Ночи. В которой Конрад Кёрз ещё жив. Но вот не задача нужно поймать эту Каллигус...

Перевод Hades Wench.

v.1.1. - отредактировано InterWorld'om.

- [Трон лжи](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Трон лжи

Аарон Дембски-Бовден

Throne of Lies

Aaron Dembski-Bowden, 2010

«Завет крови» пронзал варн подобно копы -- копыю грязно-синего цвета с облезшей позолотой. Белое платье, которое надрывно работавшие двигатели изрыгали в беспокойный океан душ, неравномерно пульсировало: корабль двигался с трудом. Он неуклюже нырял в бурлящие волны, которые хлестали по нему психическими потоками. Поля кинетической энергии из последних сил защищали корабль от перевозванной ярости варна, но шторм был беспощаден. Огромные существа, скрывавшиеся в урагане, тянулись к защитным полям когтями, и каждый удар все дальше отбрасывал корабль с курса.

На носу корабля располагался изолированный от остальных помещений зал; одинокая женщина, находившаяся в нем, стояла на коленях, безмолвно и недвижимо. Ее глаза были закрыты, но она все равно могла видеть. Ее тайный глаз -- тот, который обычно был скрыт от внешнего мира под грязной от пота

банданой или неудобным шлемом, — сейчас
вспотребовался в варн, и этому зрению не
мешал ни корпус корабля, ни
потрескивающие энергетические щиты.
Сверхъестественный взор проникал через
эти препятствия без всяких усилий, и она
неотрывно смотрела вглубь бури, что
бүшевала снаружи.

В волнах океана гүш, как в масляном
пятне на воде, кружился тошнотворный
калейдоскоп цветов. Раньше этот хаос
пронзал путеводный луч: спасительная
стрела эфемерного сияния прорезала
клубящуюся тьму, и навигатору нужно
было лишь следовать по ней. Но на этом
раз луча-маяка не было, не было сияющего
ориентира, и шторм снаружи освещался
лишь силовыми щитами, которые,
потрескивая, поддавались давлению.

На корабль накатывались волны,
слишком нерегулярные, слишком быстрые,
чтобы на них мог среагировать человек.
Она едва заметила поток лучительно-
яркой энергии, несущийся навстречу, а
щиты уже отражали его. Искра от
перегрузки, они оттолкнули шквальную

волну обратно в океан психической скверны,
ее породивший. «Завет крови» снова
загрожал, и двигатели жалобно взвыли от
этой сугороги, которая прокатилась по
всему стальному скелету корабля. Долго
ему не продержаться.

Стоявшая на коленях женщина
глубоко вздохнула и вновь сосредоточилась.
Ее минутная невнимательность не
осталась безнаказанной, и зазвучавший
голос вкрадчивым шепотом проник в самое
ее сердце — так, что каждое слово слабым
эхом отзывалось в крови:

— Века покорения космоса. Века
завоеваний звезд. Танец преследователя и
преследуемого. Хищник и его жертва. Ты,
навигатор, станешь моей смертью.
Концом моей славы. Моим черным гнем.

Корабль снова вздвигал ей угрожать.
Плохой знак, а потому она процедила
сквозь зубы лишь одно слово:

— Молчать!

Она могла поклясться, что где-то на
границе ее сознания слышался стех.
Больше всего она ненавидела эту грубую
поэтичность, к которой был склонен

примитивный интеллект корабля. Дух
машины, составлявший его ядро, был
жестоким и властным. Уже много недель
он отказывался принимать нового
навигатора, и женщина уже опасалась, что
этого не случится никогда.

--- Когти нерожденных разрывают
кожу моего корпуса, чтобы выпустить
внутренности в пустоту. Ты -- мое
проклятие. Ты -- бегствие. Ты нас
погубишь, Октавия.

Она сдержалась и не стала отвечать,
сжав зубы так же крепко, как были сжаты
веки ее человеческих глаз. Ее третий глаз
смотрел не мигая, но видел лишь
неистовую бурю снаружи. Нет, теперь там
появилось что-то еще. Помимо них, что-
то еще плыло в океане душ -- какая-то
тень, скорее неясный силуэт, а не тело из
плоти.

Она немедленно отправила
предупредительный импульс:

--- Под нами что-то есть, что-то
огромное. Уклоняется, немедленно!

В этот приказ, в эту отчаянную
мольбу, обращенную к рулевым корабля,

Октавия вложила всю свою силу. Ответ со скоростью мысли пронесся по кабелям сопряжения, связывавшим ее с треном из бронзы и кости. Говорил безжизненный голос, принадлежащий лоботомированному серватору, который стоял у руля:

--- Выполняю.

«Завет крови» согрознулся и, подчиняясь пылающим двигателям, начал подниматься выше в тягучем психическом веществе непространства. Но хищник, то огромное существо под нити, тоже зашевелился в эфирном тумане. Навигатор чувствовала его резкие движения, а затем увидела, как тень размером с солнце подернулась рябью от шторма. Существо приближалось.

--- Оно гонится за нами.

--- Принято.

--- Быстрее. Еще быстрее, еще!

--- Выполняю.

Огромный призрак как ни в чем не бывало вынырнул из хлестких волн психического тумана. Ей подумалось, что существо похоже на гигантскую акулу --

вечно голодную акулу с мертвыми глазами, плывущую в открытом океане.

--- Нужно выходить из Варна. От этого нам не убежать.

На этот раз ей ответили с чувством и крайне неодобрительно. Голос был низким, глубоким и нечеловечески звучным:

--- Сколько еще до системы Ториас?

--- Несколько часов? Дней? Я не знаю, милорд, но если мы не выйдем из Варна, то погибнем через несколько минут.

--- Неприемлемо.

--- Вы чувствуете, как грозит «Завет»? К нам приближается психическая тень, торок из черного тумана и ненависти, который хочет нас сожрать. Я навигатор, милорд, и неважно, что вы скажете: я вывожу корабль из Варна.

--- Очень хорошо. Всем постараться подготовиться к возвращению в космос. У...
Октавия.

--- Да, милорд?

--- Когда Талоса нет на борту, проявляй ко мне побольше уважения -- для

своего же блага.

Она ощутила, как от угрозы учащенно забилося сердце, и оскалилась в улыбке.

--- Как скажете, Возвышенный.

Охотница, пересекавшая зал, носила чужое алое платье и чужую же кожу. Последние два часа ее звали Каллиста ла Хейвен, и этому было даже подтверждение -- цифровой идентификационный код, вытатуированный на правом запястье. Настоящая Каллиста ла Хейвен, исконная владелица как имени, так и роскошного платья, сейчас лежала, сложенная с полным презрением как к ее статусу, так и к анатомии, в одной из тепловых вентиляционных шахт. Лежала в могильном безмолвии -- мученица, о которой никто не узнает, пострадавшая за дело, которое было уже проиграно. У нее были свои надежды, мечты, радости и печали, и все они пресеклись одним поверхностным уколом отравленного клинка. Больше времени ушло на то, чтобы спрятать тело куртизанки, чем на то, чтобы оборвать ее жизнь.

Охотница прошла мимо группы клириков-аколитов. Они медленно

ступали по устланному ковром полу,
вполголоса бормоча еретические псалмы.
Возглавлявший процессию клирик нес
круглую кадильницу, повешенную на
ржавой цепи; бронзовый шар дымился
приторно-сладким фимиатом. Этот
клирик поприветствовал куртизанку,
назвав ее по имени, и охотница изобразила
на губах мертвой шлюхи улыбку.

--- Ты собираешься посетить
господина?

Охотница ответила ему извивым
взглядом и стиренной улыбкой.

--- Всего тебе хорошего, Каллиста.
Ступай с миром.

Охотница склонилась в грациозном
реверансе; она двигалась с едва заметным
обещанием покорности -- как и положено
той, что рождена дарить другим
удовольствие.

Именно так двигалась настоящая
Каллиста; охотнице понадобилось лишь
несколько мгновений, чтобы понаблюдать
за ее манерами, оценить их и усвоить.

Она пошла дальше, чувствуя, как
шепчущие жрецы провожают ее голодными

глазами. Она откровенно вильнула бедрами и одарила их прощальным взглядом, брошенным через обнаженное плечо. В их темных глазах читалось желание и, что еще лучше, глупое доверие тому, что они видели. Пусть и дальше занимаются своими делами, даже не подозревая, что женщина, которую они так хотели, была уже мертва и уложена в огнѹ из труб рядом с регуляторами теплообмена далеко от этого зала. Тепло ускорит процесс разложения, и вскоре настоящая Каллиста станет добычей бактерий, которые всегда заводятся в теле спустя несколько часов после того, как человек перестал дышать.

Насчет тела охотница не волновалась. Она исчезнет до того, как его обнаружат: к тому времени она уже выполнит свою задачу, и ее безглаголитое существование станет источником невыносимого горя для обитателей этой бесполезной планеты.

До того как стать Каллистой леди Хейвен, охотница почти час носила кожу безымянной служанки, под личиной

которой она проникла на нижние уровни дворца и прошла по туннелям для рабов. Еще раньше она была торговцем в огромном внутреннем дворе, по патенту продававшим реликвии пилигримам, а перед этим она сама была пилигримом и носила потрепанную одежду скитальца — нищий странник в поисках духовного просветления.

Охотница провела на планете Ториас Секундус только один день и одну ночь. Хотя ее миссия уже приближалась к завершению, она сожалела о потраченном времени. Она была выше этого задания. Она это знала, это знали ее сестры, знало ее начальство.

Нынешняя миссия была наказанием. Наказанием за прошлые промахи, может быть, и незаслуженным, но долг есть долг, и ей пришлось подчиниться.

Она шла дальше по дворцу, проходя мимо поющих псалмы аколитов, светлых клерков и охмелевших дворян, сбившихся в шумные компании. Время приближалось к полудню, и в залах собиралось все больше народа: именно в

полдень должна была прозвучать
долгожданная речь верховного жреца.

Лже--Каллиста стесалась с толпой,
улыбаясь и раскланиваясь с женственными
изяществом. Ни ярко-алые губы, ни
альдисто-синие глаза не выдавали ее
раздражения. Однако факт оставался
фактом: эта кожа не позволит ей вовремя
поговорить к верховному жрецу.

Жестоким условием было именно
время. Если бы дело было только в
убийстве жреца, снайперский выстрел уже
оборвал бы его жизнь -- задолго до часа,
когда жрец собирался взойти на трибуну и
обратиться к жителям города. Но нет, его
смерть нужно было четко спланировать и
разыграть как спектакль, видный всем.

Охотница ощутила, что ее нынешняя
кожа приближается к концу своего
жизненного срока. Залы, по которым она
шла сейчас, уже были царством избранных
подеяния присутствующих становились все
дороже и полнее. Мнимая куртизанка
грациозно пробиралась сквозь неструю
толпу, с хищным аппетитом оглядываясь
по сторонам. Чужие глаза скользили от

одной придворной дамы к другой, от жрицы
к жрице, от куртизанки к куртизанке. Ни
одна из них не годилась. Никто их них не
даст ей возможности завершить начатое.

Ей нужна новая кожа -- и побыстрее.

Дверь в каюту навигатора открылась со скрежетом гидравлики. Все на этом корабле работало кое-как. Октавия проверила, на месте ли пистолет в кобуре у бедра, и покинула каюту через этот единственный выход. Ее сразу же обступили суетливые слуги, которых она презирала так же сильно, как ненавидела сам корабль; они утोलяли ее вернуться в каюту. Ей хотелось пристрелить их -- о, как же ей хотелось их пристрелить! Самый нормальный из них не сошел бы за человека даже в этом скудном освещении. Сложив руки, словно в молитве, существо смотрело на нее с неестественно зубастой улыбкой:

--- Госпожа! Вернитесь внутрь, госпожа. Для безопасности. Для защиты. Госпожа не должна пострадать. Госпожа не должна истечь кровью!

Она загрожала от этого просительного прикосновения: руки, на которых было слишком много пальцев,

поглаживали ее одежду и -- что еще хуже --
ее голую кожу.

-- Не трогайте меня!

-- Простите, госпожа. Тысяча самых
искренних извинений.

-- Уйдите с дороги, пожалуйста!

-- Вернитесь назад, госпожа! Не
ходите по темным коридорам корабля.
Останьтесь -- ради безопасности!

-- Прочь с дороги!

-- Кто-то идет, госпожа.
Приближается еще одна живая душа.

Она взгляделась в сутрачный коридор,
освещенный слабыми светосферами,
бессильными против темноты. Человек,
появившийся из мрака, был одет в старую
кожаную куртку; по бокам -- два
пистолета в набедренных кобурах, к
голеням пристегнут нож-мачете наподобие
того, что используют дикари на каком-
нибудь тире джунглей. Половина лица
поблескивала отраженным светом;
аугметические черты, самой заметной из
которых была красная глазная линза, были
необычно тонкой и дорогой работы.
Человеческая сторона его лица криво

улыбалась, и Октавия улыбнулась в ответ.

--- Сентим?

--- Октавия. Извини за банальность, но это был самый тяжелый переход по океану душ, который мне только приходилось переживать.

--- Корабль все еще меня ненавидит. Зачем ты пришел? Составить мне компанию?

--- Вроде того. Давай зайдем в каюту.

Она потеглила, но затем подчинилась и, едва они оказались внутри, проверила, что дверь закрыта. Все, что ей было угодно, лишь бы отделаться от надоедливых слуг.

С известной натяжкой Октавию можно было назвать красивой, но для того, чтобы расцвести, красоте нужны свет и тепло, а на корабле не было ни того, ни другого. Кожа навигатора была нездорово бледной, оттенка грязного платяного — такой же, как и остальных членов экипажа «Завета крови», этого погруженного во тьму корабля. Цвет ее глаз стал почти неразличим из-за того, что зрачки были постоянно расширены.

Волосы, когда-то нагавшие густым каскадом темных локонов, теперь превратились в неряшливую копну, кое-как стянутую в хвост.

Она посмотрела на Септима, который рассеянно обходил кучи грязной одежды и старых контейнеров из-под еды.

--- Только посмотрите на этот бардак! А ты неряха.

--- Я тоже рада тебя видеть. Чем обязана?

--- Ты знаешь, почему я здесь. О твоих манерах уже сплетничают. Команда нервничает, они опасаются, что ты своим неподчинением приказам вызовешь гнев легиона.

--- И что? Пусть себе нервничают.

--- Хассас джерассус...

--- Проклятье, говори на готике! С меня хватит этих ностратских шептаний, и я знаю, что ты ругаешься, я же не дура.

--- Если команда начала волноваться, они могут взять дело в собственные руки -- и убить тебя без раздумий.

--- Я им нужна. Я всем нужна. Иначе

корабль лишится навигатора.

--- Может быть. Но никто не хочет конфликтов с легионом. Все и так постоянно на взводе, и если кто-то начинает создавать проблемы... Команда уже десятки раз линчевала возмутителей спокойствия.

--- На меня они руку не поднимут.

--- Неужели? Если они решат, что это понравится легиону, они вздернут тебя на какой-нибудь балке на инженерной палубе или изобьют до смерти, а потом выкинут тело через воздушный шлюз. Тебе нужно быть остотрительнее. Талос сейчас не на корабле, а когда Первого Когтя нет на борту, тебе лучше следить за тем, как ты общаешься с легионом и командой.

--- Хватит нести чушь, ты даже не представляешь, как трудно мне пришлось! Во имя Трона, поле Геллера чуть не отключилось, еще несколько минут -- и корабль бы развалился на куски!

--- Иногда ты забываешь, где находишься. Из-за твоих способностей с тобой обращаются не так жестоко, как могли бы, но ты все равно рабыня -- помни

об этом! Не обольщайся насчет своих прав,
иначе погибнешь.

--- Ты ничем не лучше этих тварей,
что не хотят выпускать меня из каюты.
Три недели я прожила без
покровительства Талоса, проживу и еще
пару часов. Есть новости с поверхности?

--- Пока нет. Как только они
передадут подтверждение по воксу, я
подниму их на борт. В столице уже почти
полдень -- скоро начнет говорить
верховный жрец. Уже недолго ждать.

--- Ты вообще знаешь, что они делают
на этой планете?

--- То же, что и всегда. Охотятся.

Народ, собравшийся в самом центре Торианы -- столицы этой планеты, -- ждал своего вождя. Безбрежная толпа наводнила площадь перед дворцом Примус: девятьсот тысяч мужчин, женщин и детей, причем каждая семья прошла тщательный отбор в правительственном Департаменте Культуры, а затем проследовала на площадь в сопровождении вооруженных патрульных.

Над морем восторженных лиц возвышался богато украшенный балкон, выступавший из стены дворца, на котором в безмолвии замерли десять фигур. Не обращая внимания на крики толпы, они стояли, прижатая к нагрудникам винтовки; безликие черные визоры и танцирная броня цвета засохшей крови указывали, что это Красные стражи -- элитная гвардия самого верховного жреца. У каждого из них за спиной был переносной модуль питания, гудевший от заключенной внутри энергии; от модулей к хеллганам

Стражей протянулись секционные кабели, подключенные к разъемам боепитания.

Командир Стражей вполголоса говорил по воксу, проверяя позиции снайперских отрядов, расположившихся на соседних крышах. Все были в полной готовности. Если в толпе начнутся беспорядки, у Стражей и патрульных на улицах хватит огневой мощи, чтобы залить мрамор дворца кровью и превратить площадь в кладбище.

Затем загудел сам воздух: над площадью зависла «Валькирия», в полуденном солнце поблескивавшая янтарным отсветом. Ее орудия брали прицел на одно здание за другим, проверяя окна; не обнаружив опасных целей, самолет улетел, взревев двигателями и обдав Красных стражей горячей реактивной струей.

Капитан Стражей отдал по воксу последний приказ, и тяжелые двойные двери позади них открылись. Толпа разразилась восхищенными криками, едва завидев человека в мантии, показавшегося на балконе. Верховный жрец Сайрус был

уже нетолог и весьма ұпитан -- мантия из тонкой багровой ткани сидела на нем в обтяжку. Он воздел руки к небу:

--- Мой народ!

Верховный жрец, раньше бывший имперским губернатором этой планеты, поприветствовал собравшихся людей, наслаждаясь их радостными возгласами. Ему предстояло исполнить священный долг: возвестить свободу от имперских налогов и десятины и провозгласить, что отныне планетой будет управлять верховный жрец при поддержке совета кардиналов, называемого Милосердие.

--- Мой народ, к вам взываю я! Мы стоим на пороге новой эры мира и процветания. Впредь мы не будем рабски служить Империи, отдавая ей нашу верность и наши богатства. Наша планета больше не будет сносить все беды и огна, забытая всеми. Мы не будем голодать и вести гражданские войны только потому, что к этому нас толкают посланники далекой Терры, заботящиеся только о собственных интересах. Грядет век Милосердия -- новой веры, которая

надеждой и искренностью объединит нас всех. Это вера друг в друга, вера в другие планеты, которые тоже сбросили эти оковы. Встав плечо к плечу, мы отринем мучительную власть прошлого.

Толпа взревела -- в точности как и ожидал Сайрус. Они уже начали выкрикивать его имя, называя верховного жреца своим спасителем, своим святым.

-- Братья и сестры! Сыновья и дочери! Мы свободны, мы объединились там, куда не дотянется власть ненавистного Лже-Императора, и я...

Толстяк пошатнулся и схватился за ограждение балкона. Красные стражи слаженно вскинули оружие, остатриваясь в поисках целей. Ликующая толпа притихла в затешательстве.

Охотница наблюдала за происходящим с улыбкой. Момент был выбран идеально: яд проник в тело жреца именно тогда, когда этот лжепророк остелился порицать Бога-Императора.

Люди на площади все видели. Сеть гололитической трансляции передаст изображение по всей планете, и ее

население узнает, какую цену платит тот, кто святотатствует и призывает к расколу.

Из наперстного оружия, скрытого в ее перчатке, можно было сделать только один выстрел, выпустить только одну излучину, щедро пропитанную нейротоксином. Лазер наведения был не только незаметным, но и достаточно мощным, чтобы пройти сквозь шелковые одежды еретика. Она выстрелила ему прямо в спину, а Красные стражи ничего не заподозрили.

Верховный жрец перевалился через ограждение и рухнул на площадь, даже не вскрикнув, — он был уже мертв.

Все еще улыбаясь под безликой маской визора, охотница вела себя так же, как и остальные Красные стражи: изображала панику, притворялась разгневанной -- в точности как и они. Ей не нравились их угрожающие доспехи, но без этого обличья было не обойтись. Страж, которого она убила и чью кожу позаимствовала, оказал достаточно серьезное сопротивление -- по крайней мере, серьезное для человека без аузметики.

Охотница с напускным вниманием осмотрела балконы соседних зданий, наслаждаясь испуганной и сбивчивой трескотней вокса. Через несколько минут она сможет выбраться из этой жалкой толпы, потом пересечет город, чтобы покинуть эту планету навсегда.

Она уже направлялась к двойным дверям, когда солнечный свет позади нее померк, и послышался рев тяжелых двигателей. Обернувшись, охотница прищуривала глаза; сердце ее забилося

быстрее.

Пять фигур, спустившиеся с неба, были облачены в огромные силовые доспехи. Воины, за спинами которых изрыгали огонь и дым маневровые двигатели, с грохотом приземлились на балкон, и череполикие шлемы без колебаний повернулись к ней. Не к другим Красным Стражам — они смотрели только на нее.

Эти воины выжидали на крыше, зная, что она вскоре начнет действовать, и теперь каждый из них поднял болтер, который сжимал в темных латных перчатках.

— Ассасин из храма Каллидус, мы пришли за тобой.

О том, чтобы драться с ними, не могло быть и речи. Охотница развернулась и побежала с такой нечеловеческой скоростью, что контуры ее фигуры стали размытыми и изменчивыми, как ртуть. Мгась через дворец, она по частям сбрасывала с себя доспех, позаимствованный у Стража, — сбрасывала так быстро, как только могла. Охотница слышала, что за ней гонятся.

кератитовые ботинки грохотали по мозаичному полу, отрывисто выдыхали огонь прыжковые ранцы, позволявшие воинам пересекать залы дворца быстрее, чем бежала их добыча. Кричали люди, повернувшиеся преследователям по рукам: они убивали всех -- и еретиков, и невинных, -- кто стоял на пути.

Послышались глухие выстрелы болтеров, и охотница занетляла, уклоняясь от снарядов, взрывающих пол. Зная, что преследователи целятся ей в ноги, надеясь удачным выстрелом раздробить колено, она сильнее отталкивалась от земли, подпрыгивая на бегу. Один снаряд все-таки зацепил голень, но срикошетил от защитного слоя синтекожи. Другой попал в стену рядом с ее плечом и осыпал лицо удрушливым дождем осколков. Но охотница не останавливалась.

Снаряд, наконец настигший ее, прошел через мышцы бедра, и ни годы тренировок, развивавших невосприимчивость к боли, ни наркотические вещества в крови,

подавлявшие нервные рецепторы, не могли справиться с этой мучительнейшей пыткой. С пронзительным воплем охотница рухнула на пол; от бедра остались лишь лоскуты кожи и мышцы, свисавшие с залитой кровью, сломанной кости. Изрыгая проклятия, она продолжала ползти вперед, слишком упрямая, чтобы сдаться. Ей даже удалось подняться на ноги и, неуклюже прихрамывая, добежать до угла.

На этот раз ее бегство длилось всего несколько секунд. Завернув за угол, охотница начала проталкиваться сквозь беспокойную толпу слуг, но две огромные темные фигуры сбили ее с ног. Накачанные химическими препаратами мускулы охотницы напряглись, стараясь справиться с двумя воинами, она потянулась к клинку, пристегнутому к бедру, -- и закричала в бессильной ярости. Больше не было ни ножен, ни клинка -- их сорвало разрывным снарядом.

Еще один воин-предатель наступил на ее вытянутую руку, дробя кости, и охотница разразилась новым потоком

проклятий. Корчась под придавившим ее весом, она уже не контролировала себя от злости и даже не замечала, что на лице ее сменяют друг друга образы десятка женщин, которых она убила за последние два дня. Сверху раздался голос командира воинов, обездвигивших охотницу:

— Я Талос из легиона Повелителей Ночи, и ты пойдешь со мной.

Охотница открыла глаза, полные жгучих слез. Первым ее ощущением была боль — разрывающая, непривычная по своей силе боль, которая спускалась от спины тошнотворными толчками, пульсируя в такт сердцебиению.

Но сразу же на слепоту слепоту инстинкту пришла выучка: нужно осмотреться, а потом бежать. Ничто больше не имело значения. Зрение охотницы прояснилось, и из размытого сумрака начали проступать отдельные детали. Кто-то специально приглушил светосферы на стенах, погрузив помещение в темноту; из обстановки здесь имелся только стол, на котором лежала охотница, — лаконичная гостеприимность тюремной катеры. Охотница попыталась встать, но не чувствовала конечностей. Она едва могла поднять голову.

Наконец ее сознание зафиксировало звуки: хриплое дыхание, гул работающего силового двигателя, от которого ныли зубы.

--- Не пытайся встать -- у тебя ампутированы ноги и руки ниже локтя. Ты в сознании только благодаря обезболивающим препаратам, введенным в кровь.

В поле ее зрения появилась облаченная в доспех фигура, приблизившаяся к краю стола. Лицо воина было скрыто под помятым в боях шлемом, личина которого была выкрашена белым, чтобы напоминать человеческий череп; на лбу выгравирована рана из мерзкого, давно забытого языка. Имперского орла, изображенного на нагруднике, перечеркивали глубокие борозды -- без сомнения, специально нанесенные воином-еретиком, носившим доспех, чтобы осквернить священный символ аквилы.

--- Отсюда тебе не сбежать. В свой храм ты не вернешься. Твоя участь заключена в стенах этой камеры, и потому я даю тебе выбор, ассасин: или ты скажешь нам то, что мы хотим узнать, и заслужишь право на быструю смерть, или выдержишь несколько часов мучений и все равно заговоришь.

Голос охотницы, срывававшийся с
покрытых кровью губ, сохранил лишь
призрачное подобие былой звучности:

--- Я скорее умру, чем выдам тайны
еретикю.

--- Так все говорят.

--- Боль... Боль для меня ничто.

--- Боль для тебя ничто, пока то, что
осталось от твоего тела, накачано
наркотическими анестетиками. Но
интерфейсные узлы, установленные вдоль
позвоночника, вскоре изменят твоё
восприятие боли.

--- Я -- Цезара, дочь Каллигус, и ты
ничего от меня не добьешься, пагубное
ничтожество, -- ничего кроме проклятий.

--- В наших когтях раскалывались и
более стойкие, чем ты, ассасин. Никто не
выдерживает. Не заставляй меня делать
это с тобой.

--- Как вы узнали, что я буду там?

--- Я видел это. Я -- пророк Восьмого
легиона. Во время приступов я могу
видеть очертания событий, которые еще
не случились.

--- Волшебство! Черная магия!

--- Может быть, но ведь сработало.

--- Ты устроил ту ловушку и теперь считаешь себя хитроумным? Как ловко заманить одну из дочерей Каллидус на эту захолустную планету, а в качестве приманки использовать верховного жреца культа.

--- Мне хватило хитрости, чтобы захватить тебя. Ценные клинки моих братьев отсекали тебе руки и ноги, и теперь ты в моей власти.

--- Моя смерть не имеет значения. Я прожила жизнь, служа Золотому Трону, и поэтому делай, что хочешь, -- пытки не заставят меня стать предателем.

--- Значит, таков твой выбор. Вскоре вернется боль, и рассудок тебя покинет. Наслаждайся этими последними мгновениями.

--- Я -- Чезара, дочь Каллидус. Мой разум чист, моя душа не сломлена. Я -- Чезара, дочь Каллидус. Мой разум чист, моя душа не сломлена...

Охотница нараспев повторяла эти слова, широко улыбаясь. Воин повернулся к кому-то еще, кто был в камере, к кому-

то, кого обездвиженна убијца не могла
видеть.

--- Да будет так. Приступайте к
испытаниям.

Охотница Чезара продержалась семнадцать дней — больше, чем кто-либо из человеческих существ, подвергавшихся допросу воинами Восьмого легиона. Когда она наконец сдалась, в ней с трудом можно было признать женщину, не говоря уж о виртуозном убийце. Хриплым голосом, едва шевеля рассеченными губами, она выдавала одну тайну за другой, и слова облаками пара повисали в ледяном воздухе камеры. Рассказав все, что нужно, она обмякла в оковах, стараясь собраться с силами, чтобы вытолкнуть смерть.

— Система Урия.

— Где именно в системе Урия?

— Урия — это... утирающая звезда. Храм находится на... самой удаленной... от нее планете. Три. Урия-три.

— Что насчет обороны?

— На орбите — ничего. Ничего постоянного. Местные... местные патрульные группы проходят рядом.

— А на поверхности?

--- Я... я все сказала. Убей меня.

--- Какие оборонительные сооружения есть на поверхности планеты Урия-3?

--- Никаких! Там только мои сестры. Пятьдесят... пятьдесят дочерей Каллидус. Одинокая крепость--храм в горах.

--- Координаты.

--- Пожалуйста!

--- Координаты, ассасин. Тогда я положу этому конец.

--- Двадцать шесть градусов, восемнадцать минут, сорок четыре целых и пятьдесят шесть сотых секунды. В самом сердце тундры. Семьдесят градусов, двадцать три минуты... и сорок девять целых, шестьдесят восемь сотых секунды.

--- Над храмом есть щит для защиты от орбитальной атаки?

--- Да.

--- И гололитическая запись находится внутри?

--- Я сама... сама ее видела.

--- Очень хорошо.

Воин обнажил золотой клинок удивительно тонкой работы. Выкованный в век надежд, давно затерявшийся в

истории Императора, этот клинок был
самой почитаемой реликвией на корабле, и
так полном древностей.

Повелитель Ночи приблизился к
столу из апотекариона, на котором
лежало жалкое подобие человека.

-- Чезара... -- Он замолчал, потянулся
свободной рукой к гермозамворотам шлема,
которые раскрылись со змеиным
шипением, и снял эту личину смерти. У
охотницы больше не было глаз -- их
забрали у нее в ходе допроса, -- но она
угадала, что сделал воин, по тому, как
изменилось звучание его голоса. -- Спасибо.

Она плюнула в него -- последнее
оскорбление перед смертью.

По-своему ассасин заслуживала
восхищения, но клинок Талоса все равно
опустился, вгрызаясь в поверхность стола,
а отсеченная голова покатила на пол.

Какое-то время воин просто стоял в
зловонной камере; когда он вновь надел
шлем, перед глазами возникло привычное
красное свечение тактического дисплея.
Изображение на сетчатке его глаз
складывалось в строки рунического

текста; он моргнул, выделяя один из угловатых символов на дисплее — ностратский иероглиф, означавший «братство». Раздавшийся приглушенный щелчок означал, что вокс-канал открыт.

--- Это Талос.

--- Говори, Ловец душ.

--- Ассасин раскололась. Берите курс к системе Урия. Храм находится на планете, наиболее удаленной от солнца. У меня есть координаты.

--- Талос, ты уже не один десяток лет гоняется за этим призраком. Легион метался от храма к храму, прочесал сотню систем. Ты уверен, что гололитическая запись там?

Талос опустил взгляд, и перекрестье прицела послушно остановилось сначала на неподвижном, изуродованном теле, потом на отсеченной голове, лежавшей на скользком от крови полу.

--- Созывай легион, Возвышенный. Я уверен.

Некоторые планеты, намеренно или по прихоти судьбы, оказываются вдали от бесчисленного множества торговых и паломнических путей, которые звездной паутиной соединяют неслетное количество систем в Империи Человека. Возможно, об этих мирах забыли, возможно, им не придают значения; но неизведанной территорией в полном смысле этого слова они не становятся никогда. Каждая тайна где-то да раскрывается, пусть даже единственным ключом к правде будет случайное упоминание в заброшенном архиве, расположенном в одном из либраниумов на далекой Терре.

В звезде Урия не было ничего примечательного -- за исключением того факта, что ей едва хватало яркости, чтобы вообще считаться звездой. Все планеты, двигавшиеся вокруг нее в размеренном небесном танце, были ледяными сферами, на которых царила

вечная зима.

У третьей из этих планет на низкой орбите появился костический корабль. Похожий на зазубренный клинок из потемневшей бронзы и полночной синевы, он с гордостью нес череполикие эмблемы Восьмого легиона.

Корабль прибыл один, но одиночество его было недолгим: из адского пространства варпа сквозь прорехи в реальности начали выныривать другие боевые корабли. На корпусе каждого были те же эмблемы, те же цвета; каждый казался эхом более великих времен. Это были корабли древней конструкции, и можно было подумать, что они странствовали по океану душ не недели, а целые тысячелетия. Многие из них теперь выглядели иначе, чем представляли себе их создатели: облик их стал темнее, угрюмее, жестче, неизменным осталось только стертоносное великолепие. Собранный флот был отголоском древней истории -- воспоминанием о той эпохе десять тысяч лет назад, когда человечество начало

возвращать себе власть над звездами.

Корабли не торопились выходить на связь друг с другом, а когда сквозь помехи все-таки зазвучали приветствия, то во многих голосах чувствовалась сдерживаемая неприязнь. Легион редко собирался вместе, и многие из капитанов этих кораблей были соперниками. За сотню веков, где было и кровопролитие, и разбой, и боль, и поражения, в характерах воинов прибавилось вспыльчивости, а в заключаемых союзах поубавилось прочности.

Пока капитаны обменивались приветствиями и скрытыми угрозами, на палубах каждого корабля кипела бурная деятельность. Тысячи и тысячи Астартес приносили особые обеты; шла подготовка десантных капсул и «Грозовых ястребов», а также телепортационных платформ — к сожалению, крайне немногочисленных.

Легион Повелителей Ночи собирался на войну.

Системы предупреждения о близости врага сработали лишь один раз: на самой границе зоны обнаружения ауспекс-сенсоров

проскользнула флотилия имперских сторожевых кораблей. Сверкая золотом корпуса, одинокий крейсер типа «Стремление» пытался лечь на курс, который позволил бы ему совершить прыжок в варп — единственный реальный способ спастись. Три меньших корабля эскорта остались, собираясь задержать врага. Они не могли рассчитывать на победу, но каждая секунда форы, которую эстинцы могли дать своему отступающему флагману, была бесценна.

Один из кораблей легиона покинул строй — «Свежеватель», маневренный ударный крейсер. Расправа, начавшаяся затем, была слишком подлой, чтобы удостоиться хотя бы упоминания в зале памяти. Имперские корабли выпустили залп торпед, которые для пустотных щитов «Свежевателя» оказались так же опасны, как осколки стекла для стали. Прицельный огонь лэнс-батарей, которыми ответил крейсер, мгновенно пробил тонкие щиты трех эскротов, прожег металлическую оболочку и взорвался в их железную плоть. Второй залп,

последовавший всего через несколько секунд, с хирургической бесстрастностью разрезал эстинцы на куски.

Щиты «Свежевателя» еще раз ненадолго вспыхнули, покрывшись световой рябью от столкновения с обломками, а затем линкор легиона безмолвно, как охотящаяся акула, встретился за убегающим крейсером. С мрачной решимостью имперский корабль открыл огонь из всех своих немногих орудий, но ни пламенные выстрелы, ни бронебойные снаряды не смогли пробить щиты «Свежевателя», которые рассеяли энергию взрывов. Ответный же лэнс-залп линкора беспрепятственно прорвал щиты сторожевого корабля.

Хотя его жертва лишилась защиты, хищник не стал жадно набрасываться на добычу, чтобы ее уничтожить; лэнс-батареи «Свежевателя» утолкли, и он поравнялся с убегающим кораблем. Но бортового залпа, который превратил бы меньшее судно в дрейфующую груды металлолома, не последовало; вместо этого линкор выпустил сокрушительную

волну абординных торпед -- с десятков их
как стрелы пронеслись сквозь
пространство и вонзились в беззащитный
корпус имперского корабля.

«Свежеватель» не стал ждать.
Огромный линкор развернулся по широкой
дуге и направился обратно к флоту,
оставшемуся на орбите, в то время как на
борту его добычи более сотни Астартес из
легиона Повелителей Ночи начали
избавляться от тех членов старого
экипажа, в ком было или слишком много
верноподданнических идей, или слишком
мало физической силы.

Всего через три часа бывший
сторожевой крейсер присоединился к
флоту и занял место в строю среди других
кораблей легиона. Он сменил не только
хозяев, но и имя: теперь корабль назывался
«Безбожная песнь».

Лучи холодного солнца начали
гаснуть, и скованная льдом горная гряда,
над которой на геостационарной орбите
стоял флот легиона, погружалась во тьму.
На поверхности планеты наступала ночь,
наконец, когда все было готово, прозвучало

сообщение по общей вокс-сети флота. Голос говорил на мертвом языке, который больше не использовал никто из живущих — за исключением разобщенного братства, собравшегося здесь.

— Акриос тошаллион. Джассис рас'спата форфеллайаш. Каш'шалл'ка.

Октавия посмотрела на Септима, они оба находились в ее изолированной каюте на носу «Завета крови».

— Что он сказал?

— Это... нелегко перевести.

— Сделай одолжение, это же важно.

Что он сказал?

— «Месть с приходом ночи. К рассвету позор легиона будет забыт».

— Не понимаю... Зачем собрался флот? Что такого сверхценного в этом периферийном мире?

— Я бы тебе ответил, если б знал! Никогда не видел столько кораблей легиона вместе. Если бы я не видел это собственными глазами, то вообще не поверил бы, что такое возможно!

Септим подошел к ряду стотровых экранов, занимавших целую стену.

постукивая пальцами затынутой в перчатку руки по поверхности экрана, он указывал на корабли разных типов и размеров:

--- Это суда снабжения, в основном прометиевые танкеры. Вот эти, должно быть, суда для перевозки невольников -- войсковые транспорты Имперской Гвардии, захваченные Повелителями Ночи за прошедшие годы. Это военные корабли легиона: вон там -- «Предвигение охотника», а вот «Свежеватель», брат «Завета крови». А этот корабль -- «Змей из черного моря», один из древнейших флагманов легиона. Считалось, что он пропал в Покрове Гадеса. На одних только линейных кораблях, наверно, тысяч десять, а то и двенадцать Астартес.

--- Я и не предполагала, что у них столько воинов!

--- Нет записей, указывающих точную численность легиона; гүтаю, даже Возвышенный этого не знает. И это только те корабли, которые оказались достаточно близко, чтобы ответить на призыв. Даже так получается, что это

собрание исключительной важности,
сравнимое с крестовыми походами
Магистра войны!

Септим замолчал, наблюдая, как
корабли, словно звери, стряхивающие блох,
сбрасывают бессчетное множество
десантных судов. К планете полчались
десантные капсулы, и каждая при входе в
атмосферу пылала, как метеор. За ними
последовали десантно-штурмовые корабли
и тяжелые транспортные челноки -- они
скользили сквозь облака, спускаясь к
поверхности по исполинской дуге, и от
нагрева их корпусы светились оранжевым.

Подогретая Октавия так же
изумленно рассматривала флот, не в
силах остановить взгляд на какой-то
одной детали. Зрелище было столь
грандиозным, что не укладывалось в
голове.

-- Они не посылают на поверхность
транспорты с людьми. Ни рабов, ни
культистов.

-- Температура на Урии-3 50 градусов
ниже нуля, а ночью и того холоднее. В
этих условиях и без укрытия могут

выжить только Астартес.

--- И сколько их высаживается?

--- Думаю... Кажется... Кажется, что
все.

Десантная капсула, врезавшись в землю, подняла столб снега и камней. Край ее темного корпуса раскалились докрасна, и от керамитового покрытия с шипением исходил пар. С механическими щелчками открылись затворы, наружу вырвались струйки пара, и ратны, словно лепестки распускающегося цветка, тяжело опустились в слякоть, в которую превратился снег от жара воющих двигателей.

Талос первым вышел из капсулы и сквозь красные линзы шлема внимательно осмотрел горный проход, лежавший впереди. Авточувства приглушали рев ветра до терпимого уровня фоновой помехи. Земля содрогалась вновь и вновь — сейстическое эхо от посадки других капсул, приземлявшихся по всей тундре. Небо уже потемнело от спускавшихся десантных и штурмовых кораблей, борющихся с предательскими воздушными потоками.

На краю ретинального дисплея Талоса замигала идентификационная руна: Меркуциан, хотя из-за потрескивания voxа все их голоса звучали похоже.

— Мы бы и сами внятером справились. Братья, только посмотрите: в небе черно от «Грозовых птиц» и «Грозовых ястребов». Сколько воинов легиона присоединится к нам, девять тысяч? Десять? Чтобы вести эту войну, они нам не нужны.

Затем, когда отряд уже двигался по снегу, высветилась руна Ксарла — ярко и настойчиво:

— Он, конечно, жалкий ублюдок, но он прав. Эта честь полагалась нам. Это мы проделали всю работу. Мы неделями торчали на той убогой планете, следили за тем ничтожным культом, ждали, пока каллидус проявит себя.

Талос неодобрительно хмыкнул. Меркуциан, угрюмый даже в лучшие дни, всегда и во всем видел только трагическую сторону; что касается Ксарла, то он доверял лишь членам собственной банды —

да и то далеко не всем.

— Мы здесь не ради личной славы, это отмщение всего легиона. Остальные тоже заслужили право быть здесь, так пусть их Когти присоединятся к нам.

Ни одна рана не замерцала в ответ. Талос удивился, что остальные не стали спорить, но к удивлению примешивалась и благодарность.

Он зашагал дальше по скрипучему снегу, под которым хрустели камни. Другие отделения выстроились в некое подобие боевого порядка позади Первого Когтя, уступая Талосу и его братьям честь возглавить это наступление.

Обычный смертный погиб бы в первые минуты этого перехода через горы; Талос в своем доспехе Mk-V, который защищал даже от холода космоса, ничего не чувствовал. Но силовой ранец все равно загудел сильнее, направляя энергию к сочленениям доспеха, чтобы предотвратить их замерзание. По воксетти постоянно слышались голоса техносервиторов, докладывавших, что на приземлившихся десантно-штурмовых

кораблях уже началось обледенение
маслопроводов и топливных баков.

Температурный датчик,
расположенный на краю визорного дисплея в
шлеме Талоса, продолжал показывать
немилосердно низкие цифры. Подъем в
горы длился всего полчаса, а гудение
силового ранца усилилось настолько, что
отвлекало внимание. Лицевую пластину
шлема приходилось постоянно протирать,
чтобы иней не стерзся в сплошную корку.

На этот раз молчание нарушил
Сайрион; хотя механическое звучание
вокса сглаживало интонации, в его голосе
явственно чувствовалось раздражение:

— Меня бы устроило, если бы
крепость разбомбили с орбиты. Моя честь
вполне бы этим удовлетворилась, и в этом
трудном переходе не было бы нужды.

Ему никто не ответил. Все
понимали, что без визуального
подтверждения эту миссию нельзя было
считать законченной, и атака храма
Каллидус с орбиты в этом плане не дала
бы ничего.

— Что, в кои-то веки все согласны?

Талос сержанто нахмурился по личиной шлему, но ничего не сказал, а Сайрион продолжил:

--- Что если стерва каллигус собрала? Что если мы ведем легион по горным тропам прямо в расставленную засаду? Более безрассудного наступления мы еще никогда не проводили.

На это Талос ответил, наконец потеряв терпение:

--- Хватит, Сайрион. Люди без укрытия здесь не выживут. И как они устроят нам засаду? Облачатся в термозащитные костюмы и закидают нас камнями с утесов? Орбитальная съёмка уже выявила бы любую серьёзную угрозу. Это тайный храм; если бы его стены защищала артиллерия, потребовался бы мощный источник энергии, который был бы сразу замечен при орбитальном сканировании.

--- Мне все равно не нравится этот поход в горы.

--- Это знаковое событие, брат. Так решили командиры легиона -- значит, так и будет. Пусть каллигус, взвешивающие вниз с

паранетов крепости, увидят, как
приближается их погибель.

--- Твоя вера в наших командиров
сильнее моей, Талос.

Снова воцарилось молчание.
Расстояние до высеченной в скале
крепости, видневшейся впереди, все
сокращалось.

Осага Урии-3 заслужила место в анналах легиона Повелителей Ночи благодаря своему значению, а отнюдь не продолжительности. От орбитального удара крепость, возвышавшаяся на склоне горы, была защищена многослойными пустотными полями, которые обеспечивали высокую устойчивость против любой атаки сверху. Но для наземной атаки эти перекрывающие друг друга поля, как и многие другие защитные системы такого плана, были гораздо уязвимее.

За рядами воинов следовали целые батальоны военной техники легиона: тяжелые «Ленг рейдеры» вели за собой более компактные осадные танки «Поборник», а также их собратьев — «Хищников». Танки расположились на горных гребнях, на обнаженных пластах породы, на краях утесов, куда их доставили «Гротовые ястребы»; затем все орудия повернулись к крепости, наводя

прицел на стены.

Не было ни героических речей, ни вдохновенных призывов. Всего один короткий приказ -- и все танки одновременно открыли огонь, осветив ночь яркими вспышками лазнушек и зажигательных снарядов из орудий «Разрушитель».

Мерцание пустотного щита и ураганный огонь орудий рождали изрутеней, под прикрытием которых Талос следил за развитием осады. К тому месту, где он стоял на краю утеса, приблизился Сайрион:

-- И сколько, по-твоему, они продержатся?

Талос опустил болтер -- он наблюдал за осадой через прицел. Очертания самой крепости были нечеткими из-за дымки и грожащего воздуха -- тарело без жары. Пустотный щит искажал облик предметов, находившихся за ним, и оставлял от крепостных стен только неровный абрис.

-- Здесь более пятисот танков; такая огневая мощь за несколько мгновений

выведет из строя «Новелителя». Клянусь кровью нашего отца, Сайрион! Мы со времен осады Терры не собирали столько бронетехники для одного боя. Еще до рассвета эти стены падут, и мы будем внутри.

Его предсказание сбылось. Четыре часа спустя, когда небо еще даже не начало светлеть, пустотный щит прерывисто затерцал, как пульс утирающего, и исчез с грозовым раскатом вытесняемого воздуха. Воинов, стоявших у границы щита, сбilo с ног: десятки отрядов повалились на ледяную землю, не устояв под напором воздушного потока, влившегося в бьющую вьюгу.

Без промедления и без передышки орудия танков взяли новый прицел на нижние секции крепостных стен. Точно через тринадцать секунд в них была пробита первая брешь: после выстрела одного из «Разрушителей» часть каменной стены обвалилась внутрь. Обойдя танки, которые не прекращали огонь, отделения перешли на бег и ворвались в крепость вместе с морозным ветром и рычанием

активированных ценных мечей.

Крепость пала, и настало время
резни.

Двигаясь во главе Первого Когтя, Талос шел по коридорам катакомб; под ногами хрустел лед, который уже начал покрывать каменный пол. Как только в стенах крепости появилась брешь, внутренние помещения оказались во власти метелей, которые свирепствовали на поверхности Урии-3. Многие из имперских слуг, живших в храме, погибли от холода всего через несколько минут -- а те, кто уцелел в глубине комплекса, вскоре пали от скрежещущих клинков врага.

Повелители Ночи зачищали крепость, переходя от зала к залу, от одного уровня к другому. Стены вокруг арен для поединков, на которых проходили изматывающую подготовку агенты Каллидус, были уставлены сложными механизмами -- болтеры мгновенно расправились с этими бесценными образцами биоманипуляционной технологии, и разрывные снаряды разнесли в щепки машины, которые подготовили

целые поколения ассасинов.

Углубившись в катакомбы, Первый Козоть приступил к разрушению подземных операционных, и под их клинками медицинское оборудование превращалось в груды обломков.

--- Это их апотекарионы, где агентам имплантируют мускульные усилители и вводят полиморфирующее соединение, которое позволяет им менять облик. --- Талос перезарядил болтер, вознаб на место новый магазин, и прицелился в автоматизированный хирургический стол. --- Братья, уничтожайте все.

Их болтеры глухо зарывкали, и от незатененных, уникальных имперских приборов остался только металлолом. Но что-то было не так. Войдя в следующий подземный апотекарион, Сайрион опустил болтер и по воксу обратился к остальным:

--- Бесцельный вандализм -- это, конечно, весело, но мы забыли про общий вокс-канал. Еще ни одно отделение не столкнулось с ассасинами. Талос, брат, тебя обманули. Здесь нет никаких каллидус, храм брошен. Это просто склеп!

Талос ругнулся и, затахнувшись золотым мечом, рассек стол надвое; половины с лязгом упали на кафельный пол.

--- Она не врала! Это было в моих видениях, это было в ее голосе -- правда, вымученная семнадцатую днями пыток. Политическая запись здесь!

Воины устались друг на друга, еще немного -- и дело дошло бы до перепалки. Сайрион уступил первым, в воинском приветствии ударив кулаком о нагрудник:

--- Как скажешь, брат.

Талос витиевато выругался на ностратском, и горькая брань по прерывистому вокс-линку донеслась до остальных шипящим потоком. Только он собирался приказать отделению двигаться дальше, как ожил общий канал:

--- Братья! Говорит Возвышенный. Моя почетная гвардия достигла тридцатого уровня. Там находится архивный зал. Первый Коготь, немедленно ко мне! Талос... ты был прав.

Первым чувством Талоса, когда он вошел в зал, было замешательство. Из библиотеки забрали все подчистую задолго до того, как легион прибыл на орбиту Урии-3, -- остались только пустые книжные полки и витрины, ничего не стояло на постаментах. Воины легиона выстроились вдоль стен, многие были из отдаленных и банг, незнакомых Первому Когтю.

Возвышенный стоял в центре зала, и окружающие его Астартес казались маленькими по сравнению с громадой его мутнившего тела. Живший в нем демон постоянно менял плотность Возвышенного, и он утратил черты человека -- и даже Астартес -- много веков назад. Шипастое чудовище с когтистыми лапами в массивном доспехе; каждый его вдох походил на глухой раскат грома. Существо, склонив уродливую голову, скалило черные клыки: мутации, затронувшие кости черепа, ограничивали

любую грубую титику.

--- Талос, этот храм бросили. Здешние рабы -- это хранители, оставленные на тот случай, если каллидус решат вернуться.

Талос подошел ближе; его керамитовые ботинки потревожили вековую пыль, собравшуюся на темном камне пола. Но залу расходились и другие следы, но их оставили его собратья по легиону -- ни один из отпечатков не принадлежал человеку. Людей в этих залах не было уже много лет.

--- Не понимаю. Ты же сказал, что я был прав?

Возвышенный протянул лану, в каждом пальце которой было слишком много суставов. На ладони демонического создания лежала сфера размером с кулак, сделанная из обесцвеченной бронзы. Сбоку шара виднелась единственная линза -- злобный глаз из зеленого стекла. Гололитическая запись.

--- Ты действительно был прав, Талос. Они забрали все, но вот это оставили.

--- Они хотели, чтобы мы ее нашли.

--- Это не оригинал. Наша задача по уничтожению оригинальной записи по-прежнему не выполнена. Но этого... этого достаточно. На данный момент. Легион будет тебе благодарен.

Скрывая отвлечение от нынешнего облика Возвышенного, Талос молча забрал у него сферу. Простой поворот верхнего полушария -- и внутри что-то несколько раз щелкнуло, затем линза с тихим жужжанием сфокусировалась. В проекционном луче появилось зернистое, монохромное изображение, зеленоватое, как блеклый нефрит. Оно показывало...

--- Повелитель Ночи!

Оно показывало сгорбленную фигуру, в ее сложении и осанке было как человеческое совершенство, так и звериная свирепость. Из-за помех изображение было нечетким, и детали разглядеть было невозможно, но все, кто смотрел запись, сразу же узнали это лицо, эти прищуренные глаза и губы, скрывавшие клыки.

Притарх. Конрад Керз. Ночной Призрак, командующий Восьмого легиона.

Их отец -- генетический родоначальник и носитель биологической матрицы, по которой были созданы все Повелители Ночи.

Притарх в мерцающем гололите поднялся с трона, из-за искажений оставшегося невидимым.

Он двигался беззвучно -- следствие некачественной записи -- и отрывисто, так как воспроизведение постоянно прерывалось помехами. Но все это не имело никакого значения: спустя века верные сыны Повелителя Ночи могли видеть его вновь. Здесь, в этом храме-склепе, явился тризрак их отца.

Если каллигус оставили гололитическую запись, чтобы подразнить тех, кто однажды найдет ее, то они жестоко просчитались, недооценив смысл, который эта находка несла легиону, и чувство целеустремленности, возродившееся в воинах. Латные перчатки сжимали болтеры с новой силой; у некоторых воинов по лицам, скрытым шлемами-черепами, текли слезы.

-- Аве доминус нокс! -- с почтением и

благодарностью произносили они
монотонным речитативом. -- Аве готинус
нокс! Слава Повелителю Ночи!

Перед их глазами предстали
последние мгновения из жизни примарха.
Все с той же призрачной бесшумностью
полубог растеялся, а затем бросился
вперед... И изображение навсегда исчезло в
разряде помех, запись вернулась к началу, и
секунду спустя воспроизведение включилось
заново -- иллюзия, обреченная на вечное
повторение. Примарх Повелителей Ночи
еще раз поднялся с трона, произнес
неслышимые слова, беззвучно застывая и
ринулся вперед -- только чтобы вновь
исчезнуть.

-- Я помню его во плоти. Помню, что
смотрел, как он встает с трона -- так
много лет назад, помню, как подчинился
приказу наблюдать за приближением
ассасина. Я не забыл, как он стаялся перед
тем, как прыгнуть на нее.

Талос отключил воспроизведение
записи и пристально осмотрел
металлический шар, который держал в
руке. На нем было несколько настроек,

каждую из которых можно было активировать поворотом верхнего полушария на несколько градусов, тем самым выбирая следующую частоту. Он опустил руку, сжав сферу в кулаке:

--- Мы позаботимся, чтобы каждый корабль легиона получил копию записи. Некоторые вещи нельзя забывать. Угелте, братья, нам пора возвращаться на орбиту. Здесь мы больше ничего не найдем.

«Завет крови» уходил с орбиты, и палуба под ногами Талоса грохотала. Раньше, когда флот легиона открывал огонь, он вместе с братьями по Первому Когтю стоял на командной палубе, наблюдая за обстрелом храта. Лучи лэнс-излучателей прорезали поверхность планеты с силой тектонического сдвига и сровняли с землей весь горный хребет. Затем боевые корабли Повелителей Ночи стали уходить один за другим.

Оставшись один в зале для медитаций, Талос еще раз внимательно рассмотрел гололитическую сферу. Он активировал первую настройку и увидел, как его отец смеется за мгновения до смерти. Он посмотрел запись семь раз, потом переключил устройство на следующую частоту. Ничего не произошло. Он попробовал другую настройку -- и вновь ничего. Только на последней был еще один архив с вокс-записью.

Талос сразу же узнал этот голос -- он

принадлежал ассасину, убившей его отца в те времена, когда Долгая война еще не началась. Более того, это была та самая женщина, которую он из жажды мести своими руками выпотрошил и разорвал на части. Она была мертва уже десять тысяч лет, но сейчас ее голос воскрес и раз за разом повторял огни и те же слова — так же, как призрак примарха был обречен вечно повторять огни и те же действия.

— Это М'Шен, дочь Каллигус. Я нашла командора Керза из легиона Повелителей Ночи. Я... Это М'Шен, дочь Каллигус. Я нашла командора Керза из легиона Повелителей Ночи. Я...